

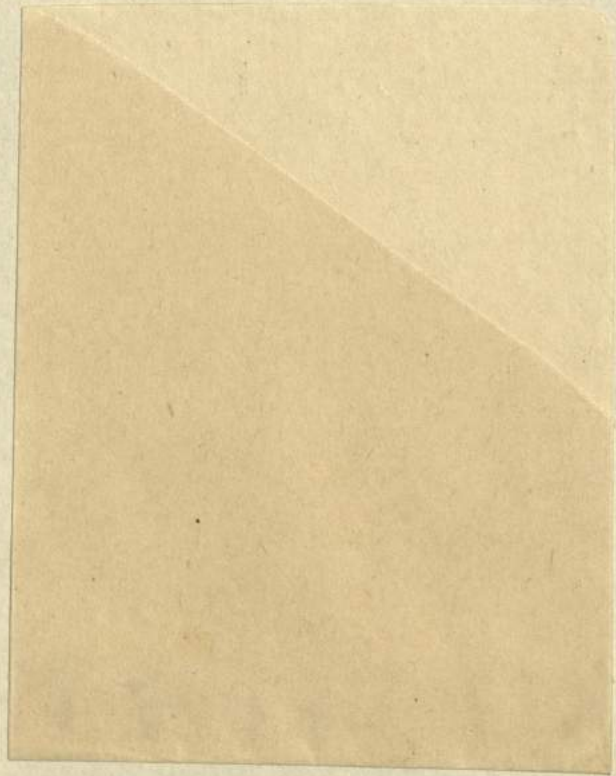
M 2524.2

M 2524.2

Kumura

66
001
2015

1973 9/12	1985 12/11	1990 10/5
10/11	1985 12/18	1990 10/5
1974	1985 12/18	1990 10/5
12/12	1985 12/18	1990 10/5
1975	1985 12/18	1990 10/5
2/12	1985 12/18	1990 10/5
12/12	1985 12/18	1990 10/5
18/11	1985 12/18	1990 10/5
1/10	1985 12/18	1990 10/5
1974	1985 12/18	1990 10/5
1979	1985 12/18	1990 10/5
13/11	1985 12/18	1990 10/5

M 252

M 252

85

087

A-78,5

9(c)1+902 7+06

1955

Вл. Апушкинъ.

Инвентарный № 3087

+ 9(91)
А-78

**О ДВОРЯНСКИХЪ
ГНѢЗДАХЪ.**

== (Воспоминанія, впечатлѣнія, мысли). ==

М 2524. 2

(Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края“, вып. VII.)

Костромская
Центральная
Библиотека
И. К. Крупской

М. 2524

Городъ Кострома.
Тип. Губ. Земства.

9(1)1 + 9027 + 052

КОСТРОМСКАЯ
Центральная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. Крупской

М 2524

1959

О дворянских гнёздах.

(Воспоминанія, впечатлѣнія, мысли).

За послѣдніе пятнадцать лѣтъ отношеніе къ старому „дворянскому гнёзду“ существенно перемѣнилось. Сорокъ лѣтъ въ немъ видѣли лишь пережитокъ крѣпостного права, памятникъ мрачной эпохи господства этого права, подозрѣвали въ немъ очагъ для возрожденія его въ томъ или иномъ исправленномъ видѣ, сопрягали съ нимъ кошмарныя легенды и преданія и въ лучшемъ случаѣ проходили мимо него съ равнодушіемъ.

— Что въ немъ интереснаго?—говорили эти равнодушные.— Земля, поди, уже продана, садъ липовый или вишневый уже срубленъ, владѣльцы разбрелись по бѣлу—свѣту и въ домѣ мерзость запустѣнія.

И шли и ѣхали мимо, не удѣляя вниманія ни осѣдавшему въ землю, стоявшему порой безъ крыши дому „александровской эпохи“, ни разрушавшимся отъ времени „львамъ на воротахъ“, ни построеной когда-то по рисунку Растрелли или Гваренги бесѣдкѣ,—храму наслажденій и лѣниваго отдохновенія,—заваленному теперь сухими сучьями, опавшими листьями, или загнивающимъ картофелемъ.

А порою грубыя бессмысленныя руки отбивали камнемъ или дубиной голову у потемнѣвшей отъ времени статуи, вырезанной нѣкогда изъ Италіи и украшавшей садъ,—или растапливали русскую печку томами „Большой Энциклопедіи“ Руссо, Вольтера, д'Аламбера... „Печной горшокъ былъ имъ дороже“...

Шло время,—и страсти, кипѣвшія вокругъ „дворянскихъ гнёздъ“, улеглись. Подозрѣнія разсѣялись. Легенды и преданія потускнѣли и утратили свою остроту. Пушкинъ и Шекспиръ опять стали „выше сапогъ“, и Рафаэль обрѣлъ прежнюю цѣнность, которую Базазовъ („Отцы и дѣти“) опредѣлялъ когда-то меньше мѣднаго гроша.

Послѣ полосы разрушенія стараго быта, отрицанія и нигилизма, послѣ двухъ десятилѣтій прозябанія въ тупомъ равнодушіи къ прекрасному, началось въ Россіи „возрожденіе искусствъ“. Русское общество потянулось къ прекрасному,—къ красивой вещи, къ книгѣ не только умной, но и изящно изданной, къ картинѣ подлинной, а не олеографической, къ зданію, архитектурному памятнику, а не къ просто каменному дому—ящику, шкафу. Захотѣлось не-

только порядливой культурной, правовой, идейной жизни, но и красивой.

Во всемъ, что составляет жизнь, общество стало искать не только содержания, но и формы. Въ немъ народилась или воскресла, — какъ хотите, — эстетическая потребность.

Почему это случилось, какими этапами шло народженіе этой потребности, въ чемъ оно теперь выразилось и куда насъ ведетъ, все это очень интересно и важно знать, но выяснять все это не входитъ ни въ рамки моего очерка, ни въ программу трудовъ Костромского Общества по изученію мѣстнаго края. Коснемся только одного факта этого сложнаго многообразнаго процесса, который я называю „возрожденіемъ искусства въ Россіи“.

Гдѣ бы такое ни происходило, оно всегда отмѣчалось возстановленіемъ цѣнности предметовъ искусства прошлаго.

Долго пренебреженные, заброшенные, ненужные, отданные на произволъ судьбы и стихій жизнью, они вдругъ вновь становятся драгоценными, желанными, любимыми. Ихъ ищутъ всюду и, отыскавъ подчасъ уже одни осколки, — берегутъ и ихъ... Время и стихіи, пронесшіяся надъ ними, еще болѣе увеличиваютъ обаяніе ихъ красоты. Даже тѣ предметы прошлаго, которые, служа въ обыкновенномъ обиходѣ жизни ихъ владѣльцевъ, не имѣли въ глазахъ послѣднихъ ничего магическаго отъ искусства, въ перспективѣ времени пріобрѣтаютъ силу чаръ.

„Какая старина!“

И это звучитъ не только восхищенно предъ воскрешаемыми ею образами и картинами минувшаго, — не только гордо предъ силою природы вещи надъ силой времени, но и жутко... Жутко — предъ таинственностью ихъ судьбы, предъ этой невѣдомой, умершей жизнью, которою они жили когда-то вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами...

Вы помните у Пушкина описаніе комнаты Онѣгина въ усадьбѣ?

И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ

И про Онѣгинскія книги? —

Хранили многія страницы

Отмѣтку рѣзкую ногтей
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ кричкомъ

Не жутко ли увидѣть эти вещи нынѣ не только тамъ, въ онѣгинской деревнѣ, но и внѣ ея, въ лавкѣ антиквара, въ кабинетѣ современнаго любителя старины?

И вотъ, когда началось возрожденіе искусства, возстановленіе цѣнности его произведеній, поиски ихъ, — „дворянскія гнѣзда“ предстали предъ нами въ новомъ освѣщеніи. Это уже не только очаги „крѣпостничества“, не только кладбища мрачныхъ легендъ и преданій, но и очаги былой тонкой культуры, мѣстные музеи, сокровищницы предметовъ искусства.

Имъ посвященъ теперь рядъ журналовъ — „Старые годы“, „Столица и Усадьба“, „Русскій библіофилъ“, — и рядъ великолѣпныхъ изданій въ родѣ „Провинціальная архитектура“ — Лукомскаго, „Подмосковныя“, „Русскія усадьбы“ и т. п.

Передать богатство содержания всѣхъ этихъ изданій невозможно. Еще труднѣе говорить о разнообразіи и богатствѣ тѣхъ „дворянскихъ гнѣздъ“, которыя уже обследованы. И то, и другое огромно. И тотъ успѣхъ, которымъ пользуются не только у насъ, но и за границей всѣ эти изданія, свидѣтельствуетъ, какъ значительны культурныя цѣнности, уцѣлѣвшія въ „дворянскихъ гнѣздахъ“.

II.

Много ли такихъ богатыхъ культурными цѣностями „дворянскихъ гнѣздъ“ сохранилось въ Костромской губерніи. — не знаю. Въ достаточно уже обширной литературѣ мнѣ попалось указаніе лишь на одно изъ нихъ: имѣніе С. И. Бирюкова, — **Ивановское**, въ Костромскомъ уѣздѣ. („Столица и усадьба“, 1915 г. № 48). Въ немъ имѣется и „галлерея предковъ“, и старинная библіотека, и мебель краснаго дерева старинной фирмы Гамжа.

Но въ томъ же „журналѣ красивой жизни“ (1916 г. № 55) воспроизведенъ видъ и полуразвалившагося дома усадьбы Е. И. Шягириной — **Вознесенское**, близъ Галичскаго озера. — „Дому больше ста лѣтъ, никто его не поддерживаетъ, внутри уже все валится...“ — гласитъ краткая, но характерная надпись подъ снимкомъ съ этой усадьбы.

Характерная,—ибо таковыми остались въ моей памяти „дворянскія гнѣзда“ родной губерніи,—заброшенныя, полуразвалившіяся... Жалкія руины былаго величія, былаго довольства, былой культуры.

Актъ **девятнадцатаго февраля** 1861 года разрушилъ ихъ, какъ разрушаетъ землетрясеніе города. И какъ отъ землетрясеній люди бѣгутъ изъ своихъ жилищъ, боясь быть погребенными подъ ихъ развалинами, такъ бѣжали изъ своихъ „дворянскихъ гнѣздъ“ помѣщики...

Но освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не было вѣдь явленіемъ космическимъ, застигающимъ людей врасплохъ. Никакихъ невидимыхъ, подземныхъ силъ тутъ не дѣйствовало. Пять лѣтъ открыто и гласно шла послѣдняя подготовительная работа къ „великой реформѣ“... И къ ней были призваны прежде всего помѣщики,—дворяне... Было время уяснить свое будущее и подготовиться къ нему... Устроить крестьянъ и избавить себя отъ пролетарскаго существованія. Но время и силы тратились помѣщиками на бессильные протесты и тормазы реформъ, неизбежной, какъ законъ исторической жизни народа. И когда онъ совершился, въ помѣщичьей толпѣ произошло великое смятеніе.

— „Рѣшилась Россія!.. Рѣшилась!..—кричали одни, подобно тому, какъ кричалъ Терапонтовъ при оставленіи Смоленска въ 1812 г. („Война и Миръ“)—и бѣжали изъ своихъ усадебъ въ города, на частныя квартиры, бросая все на произволъ судьбы.

— „Отобрали крестьянъ,—не надо мнѣ ничего—озлобленно заявляли другіе.“—Ни мебели краснаго дерева, ни портретовъ предковъ, ни „веницейскихъ истукановъ“, когда-то бережно вывезенныхъ изъ Италіи, ни картинъ, ни портъ-папье, ни кошельковъ, любовно вышитыхъ шелками, шерстью, бисеромъ руками бабушекъ, ни книгъ въ тисненыхъ золотомъ кожаныхъ переплетахъ, хранившихъ на своихъ страницахъ „отмѣтку рѣзкую ногтей“...

Ихъ раздраженіе, ихъ негодованіе распространялось на все.

Казалось, они вдругъ возненавидѣли все, что еще наканунѣ любили, что цѣнили, что, не жалѣя средствъ, приобрѣтали, чѣмъ гордились другъ передъ другомъ. Все это вдругъ не только потеряло въ ихъ глазахъ свое значеніе, свою цѣнность, но стало имъ непріятно ненавистно, напоминая о недавнемъ и увы, невозвратномъ прошломъ, о добромъ старомъ времени, когда жилось въ родовомъ своемъ „гнѣздѣ“ привольно и уютно. Такъ, капризныя, балованныя дѣти швыряютъ въ уголь все, что имъ даютъ взамѣнъ отобранной у нихъ игрушки или вещи.

Такъ брошено было на произволъ судьбы въ „дворянскихъ гнѣздахъ“ не мало сокровищъ искусства и литературы, не мало подлинныхъ культурныхъ цѣнностей.

Другіе столь же легкомысленно пытались „фрондировать“ въ отношеніи „реформы“, а когда увидѣли, что фрондерство это ни къ чему ихъ не ведетъ и ничего не измѣняетъ въ томъ, что совершилось, они или также бросили свои насиженные гнѣзда, переселились въ города и „пошли въ чиновники“, или замкнулись въ нихъ и доживали вѣкъ свой „бюроками“ или, наконецъ, стали промышленниками, даже „кулаками“...

Мнѣ пришлось видѣть и перелистывать толстую старую книгу съ копіями уставныхъ грамотъ и протоколовъ мирового посредника о введеніи ихъ въ дѣйствіе по одной изъ волостей Солигалическаго уѣзда Костромской губерніи. И мнѣ бросилось въ глаза, что ни одинъ изъ помѣщиковъ не только не явился присутствовать при введеніи уставной грамоты, но никто не прислалъ и повѣренныхъ.

Это не помѣшало имъ, впрочемъ, переѣхать въ города, наѣвѣвать: „Ахъ ты воля, моя воля . . .“ и учить этому гимну своихъ дѣтей...

Все было тогда какъ-то безалаберно и противорѣчиво...

Черезъ 10—15 лѣтъ „новой жизни“ прежнихъ помѣщиковъ потянуло къ старой... Они захотѣли, хотя бы и въ новыхъ социальныхъ условіяхъ, воскресить для себя **деревенскій бытъ**. Начался разѣздъ дворянъ изъ городовъ. Одни возвращались въ свои, еще не проданные „гнѣзда“, другіе—въ чужія, купленные ими у помѣщиковъ, окончательно порвавшихъ связь съ землею, съ прошлымъ.

Съ жуткимъ чувствомъ вступали они въ пустыя барскіе дома, гдѣ на стѣнахъ висѣли чьи-то предки,—мужчины въ бѣлыхъ парикахъ, въ камзолахъ, въ старомодныхъ сюртукахъ съ жабо и дамы—съ французскими прическами, въ кружевныхъ французскихъ, низко вырѣзанныхъ платьяхъ, въ чепцахъ и шляяхъ на плечахъ...

По стѣнамъ стояли разохшіеся отъ сырости массивные диваны и кресла изъ корельской березы или краснаго дерева съ оторванными бронзовыми украшениями.

Въ шкафахъ, а чаще на чердакахъ, сушилахъ и въ амбарахъ лежали груды золотообрѣзныхъ книгъ съ вырванными „на цыгарку“ страницами, пожелтѣвшія отъ плѣсени, изъѣденныя мышами...

Въ садахъ—заросшія чертополохомъ клумбы, затянутае тиною высохшіе пруды, запущенныя липовыя аллеи и подгнившія бесѣдки...

Новые помѣщики хотѣли быть однако прежде всего дѣловитыми людьми, хозяевами—практиками и на эти „мелочи“ вниманія не

обращали . . . они думали и говорили о сѣнокосѣ, яровомъ, хотѣли подойти поближе къ мужику, научиться у него, даже „опроститься“...

Но опытъ возвращенія къ „пенатамъ“, къ повому хозяйничанью на землѣ не удался. Быть-можетъ, потому, что „пенатами“-то они и не дорожили, имъ не молились; быть можетъ, потому, что имъ, выпавшимъ на полтора десятка лѣтъ изъ хода жизни, уже не оказалось мѣста въ ней...

Бѣда съ наемными рабочими!.. Бѣда съ озимью!.. Бѣда со скотомъ!.. стонали новые помѣщики...

И, помаявшись съ десятокъ, другой лѣтъ со всѣми бѣдами, махнули на все рукой—и пошли опять въ чиновники, въ банки, въ промышленность, въ города.

Снова стали пустѣть „дворянскія гнѣзда“.

Такова въ общихъ чертахъ картина того, что довелось пережить и видѣть людямъ того поколѣнія, которое близится теперь къ полвѣку жизни...

Для многихъ изъ нихъ „дворянскія гнѣзда“ далекое воспоминаше дѣтства... Въ памяти отъ нихъ остались лишь смутные образы „старыхъ вещей“ и какихъ то странныхъ людей. На первыя еще наткаешься порой въ лавкѣ антиквара, а вторыхъ уже не встрѣтишь больше въ жизни. Вымерли, перевелись...

И, когда судьба заносила, бывало, въ глухіе, родные края, видѣлись лишь полуразвалившіеся барскіе дома, вырубленные сады, заброшенные могилы...

Бденіе мимо нихъ, и въ памяти встаютъ легенды и преданія... Поговоримъ хотя бы о нихъ. Многія изъ нихъ для насъ „легенды“, для насъ еще живая быль, съ которой мы связаны первыми впечатлѣніями бытія.

Вотъ, напримѣръ, старая нянька Авдотья Никандровна, „крѣпостная госпожа М-евыхъ“. Шестнадцати лѣтъ ее выдали замужъ. Ни онъ, ни она не питали другъ къ другу никакого чувства... Но—„барская воля“... Повѣнчали. А черезъ день послѣ свадьбы „молодой“ пошелъ въ лѣсъ—да и не вернулся больше... „Кануль въ воду“. Смерть-ли принялъ или пошелъ бродягою по „бѣду свѣту“,—никто не дознался.

— А у тебя есть мама?—спрашивалъ я няньку Авдотью.

— Нѣту.

— А гдѣ она?

— Померла.

— А почему померла?

— Кшияткомъ ее ошпарили...

— Почему ошпарили?

— Господа велѣли...

— Зачѣмъ велѣли?

— Пряхой была... Урокъ не исполнила...

Этотъ діалогъ врѣзался у меня въ память, произвелъ на меня кошмарное впечатлѣніе и внушилъ мнѣ ненависть къ крѣпостному праву...

Вотъ другая няня въ нашей семьѣ.—Глафира Бедуловна. Она вошла въ нее уже старухой, когда отецъ купилъ, взамѣнъ своего стараго, сторѣвнаго дворянскаго гнѣзда, другое, то же старое дворянское гнѣздо... Умная, бойкая; въ молодости, видимо, красивая и видная, она была „барской барыней“ у своего вдоваго помѣщика г-на Р-на. Когда онъ умеръ, наследники продали ее или обмѣняли на что-нибудь двумъ старымъ дѣвамъ—помѣщицамъ П-нымъ.

Старушки доживали свой вѣкъ въ своемъ глухомъ, живописномъ „гнѣздѣ“... Но, видимо, большія страсти жили въ нихъ. Передъ смертью, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, совмѣстно проведенныхъ ими вдаль отъ суеты мірской, сестры поссорились... Да какъ! Когда одна умерла, другая не пожелала выйти закрыть глаза покойницѣ и дать ей послѣднее цѣлованіе“...

— Ну, Богъ ее за это и наказалъ, говорила Глафира. Когда сама померла, изъ нея вдругъ кровь такъ и хлынула... Изъ мертвой-то!.. Страсть сколько вышло!..

И она показывала намъ большое темное кровавое пятно на полу, въ томъ углу зала, гдѣ висѣлъ забытый старый образъ св. Феодосія Тотемскаго...

Пятно не отмывалось—и мы дѣти съ трепетомъ глядѣли на этотъ явный слѣдъ Божьяго гнѣва...

Когда повѣренный наследниковъ, жившихъ гдѣ-то, продалъ намъ эту усадьбу, Глафира заявила, что вмѣстѣ съ усадьбой и она будетъ нашей...

Дѣлайте, что хотите со мной, а я теперь ваша и не уйду отсюда. Почитай весь свой вѣкъ тутъ прожила, тутъ и помереть хочу... Ее оставили...

Изъ окрестныхъ „помѣщичьихъ гнѣздъ“ на меня тогда же сильное впечатлѣніе произвело одна,—усадьба г-жи К-ной.

К-на была изъ числа тѣхъ помѣщиковъ, которые „подчинились“ реформѣ, гнѣзда своего не покинули, а замкнулись въ немъ и въ себѣ, ни желая болѣе ни о чемъ знать и слышать.

Ея высокій двухэтажный сѣрый домъ, затерявшійся въ лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги, казался вымершимъ... Такъ все было тихо вокругъ него и въ немъ...

Моему дѣтскому тогда воображенію, питавшемуся еще сказками, онъ показался не то замкомъ спящей царевны, не то жилищемъ таинственной колдуньи...

Было холодно и жутко въ высокихъ комнатахъ съ чинно, но стѣнамъ, разставленной тяжелой мебелью, съ молчаливо глядѣвшими изъ рамъ лицами „предковъ“, съ пустыми, какъ будто ничего не отражавшими зеркалами въ простѣнкахъ, съ тусклыми посѣрѣвшими стеклами въ окнахъ. За ними безшумно качались вѣтви деревьевъ сада, словно „китайскія тѣни“, и дѣлали мнѣ какіе-то непонятные, но наполнявшіе мое дѣтское сердце ужасомъ знаки...

Въ этой жуткой тишинѣ я долго ждалъ выхода „волшебницы“ или „царевны“.

И вотъ она вышла ко мнѣ. Высокая, худая, стройная, „барыня“ съ тонкимъ, строгимъ, пергаментнымъ лицомъ, съ сѣдѣющими волосами, въ кружевной наколкѣ на нихъ и въ черномъ платьѣ, подтянутая, холодная, важная. Она подала мнѣ письмо для передачи отцу и что-то сказала или спросила... Что, я не помню... Жуть этаго „царства тѣней“ владѣла мною, и я желалъ лишь одного: скорѣе вонъ отсюда, къ свѣту, къ солнцу на просторъ...

Самъ Солигаличъ нѣкогда былъ окруженъ кольцомъ „дворянскихъ гнѣздъ“, тѣснившихся къ нему и соприкасавшихся своими землями съ городской землей. Тутъ были усадьбы Окулово, Хотьково, Мизинцево, Песочная, Долгое Поле...

Первое изъ нихъ „гнѣздо“ г-дѣ Шиновыхъ; о нихъ и объ Окуловѣ есть любопытныя свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ извѣстнаго костромича Н. П. Макарова: „Мои семидесятилѣтнія воспоминанія“.

Въ Окуловѣ до начала нынѣшняго вѣка стоялъ типичный деревянный барскій домъ—сѣрый, низенькій, съ толстыми колоннами параднаго подъѣзда и широкою терассою, обращенной въ садъ... Въ его амбарахъ, въ грудѣ хлама, одинъ изъ позднѣйшихъ владѣльцевъ Окулова нашелъ и подарилъ мнѣ оригиналъ письма декабриста, кн. Е. П. Оболенскаго къ своему отцу, писаннаго въ Петропавловской крѣпости „22 января 1826 года“, *) а въ погребѣ старинный барельефъ изъ извѣстной серіи гр. Ѳ. П. Толстого „1812-й годъ“. Последнимъ закрывали кринки молока.

Перейдя къ г-дамъ Карталинымъ, Окулово долго сохраняло видъ „старога дворянскаго гнѣзда“... Все въ немъ было „отъ прошлаго“ и мебель, и гравюры на стѣнахъ, и гостеприимство хозяевъ...

*) Письмо это вмѣстѣ съ биографіей кн. Оболенскаго напечатано мною въ № 4-мъ „Вѣстни ка всемірной исторіи“, за 1900 годъ.

Жаль мнѣ старога Окуловскаго дома. Его изображеніе могло бы занять свое мѣсто на страницахъ прекраснаго изданія Лукомскаго „Провинціальная архитектура“.

Въ Хотьковѣ—усадьбѣ г-дѣ Новиковыхъ, на мѣстѣ старога дворянскаго гнѣзда—„смиренная обитель“, женскій монастырь. Старый барскій домъ, кажется, еще цѣль, и въ немъ живетъ мать игуменья.

Помню и руины маленькаго старенькаго домика въ Песочной... Одинокое стоялъ онъ подъ шумѣвшими надъ нимъ высокими березами. Двери были настежь, окна выбиты или раскрыты, на полу—груда сорванныхъ обоевъ, обломки мебели, черепки посуды, и на подоконникѣ—портретъ масляными красками какого-то мальчика въ красной рубашечкѣ съ румянымъ яблокомъ въ рукѣ... Потрескавшійся, запыленный, засиженный мухами... Бѣдный брошенный портретъ, никому болѣе не нужный, производилъ тягостное впечатлѣніе, словно брошенъ былъ на самомъ дѣлѣ безпомощный ребенокъ въ суматохѣ послѣшняго бѣгства отъ наступающихъ на Песочную татаръ или нѣмцевъ...

Куда онъ дѣлся? Кого изображалъ этотъ портретъ, когда то любовно заказанный живописцу любившими свое дитя родителями?...

Долгое поле... Но о немъ въ своемъ мѣстѣ.

III *)

Было время, когда мнѣ приходилось ежегодно свершать тяжелый путь „на долгихъ“ или „на перекладныхъ“ отъ Солигалича до Костромы—и обратно.

Тогда „благому просвѣщенію“ еще не были „раздвинуты границы“,—Пушкинъ предсказывалъ это въ „Евгеніи Онегинѣ“—„лѣтъ чрезъ пятьсотъ“... И потому все было такъ, какъ онъ описывалъ, рисуя путь Тани съ матерью въ Москву...

Мосты забытые гниютъ,
На станціяхъ клопы, да блохи
Заснуть минуту не даютъ...

Сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

Такъ это все и было спустя полвѣка со дня смерти Пушкина.

*) Содержаніе этой главы составили мои фельетоны—„Мимо старыхъ гнѣздъ“, напечатанные въ 1900 г. въ „Костромскомъ Листкѣ“ (№№ 78 и 79) за подписью „Вл. Фролищевъ“ и нынѣ переработанные.

Въ Солигаличѣ тогда „держалъ ямщину“ „столбовой дворянинъ“ Е. Н. К-овъ, маленькій заикающійся старичекъ, хорошо извѣстный населенію всего уѣзда, какъ бывший нѣкогда, въ дореформенную эпоху, не то капитанъ—исправникомъ, не то дворянскимъ засѣдателемъ.

Девятнадцатое февраля 1861 года выбило его изъ колен, и изъ прежней своей барской, дворянской страстишки къ лошадямъ онъ сдѣлалъ теперь профессію:—содержалъ ямщину. Это былъ милѣйшій человекъ: весельчакъ, балагуръ съ неистощимымъ запасомъ анекдотовъ и острыхъ словечекъ, рассказывавшихся и повторявшихся потомъ цѣлымъ уѣздомъ. Его маленькую фигурку, одѣтую въ потертый вицъ-мундиръ со стершимися посеребренными когда—то пуговицами съ зачесанными впередъ, по старинѣ, висками, съ крупнымъ характернымъ носомъ, съ краснымъ фуляровымъ платкомъ въ одной рукѣ и съ табакеркой—въ другой,—всегда можно было видѣть въ раскрытыхъ настежь воротахъ его стараго длиннаго дома на Дворянской улицѣ. Передъ нимъ, то вытягивая, то поджимая подъ себя длинныя, тонкія ноги, гулялъ прирученный имъ журавль. Если не было иныхъ поводовъ къ разговору съ Ефимомъ Никандровичемъ, то пользовались гуляющей птицей, чтобъ завязать таковой и унести домой одинъ анекдотъ, двѣ-три шутки и самую послѣднюю новость, только-что привезенную изъ Галича, Буя, а то такъ и изъ самой „губерніи“ вернувшимся оттуда ямщикомъ... Если вамъ случалось разговаривая съ Е. Н., вынуть часы, онъ почти всегда дѣлалъ вамъ предложеніе „мѣняться“ и тотчасъ же вытаскивалъ изъ своихъ кармановъ штукъ пять часовъ самой разнообразной конструкціи, столько же табакерокъ, мунштуконъ, колець и т. п... Если вамъ все это не нравилось, онъ предлагалъ въ обмѣнъ ружье, старый прадѣдовскій пистолеть... Но больше всего онъ любилъ мѣняться лошадьми. „Мѣняться“ вообще было его страстью,—но при этомъ безъ всякой гѣни стремленія къ наживѣ. Просто „мѣна“ вещей доставляла ему своеобразное удовольствіе... Я не знаю, не слыхалъ,—также ли мѣнялся онъ своими крѣпостными людьми, какъ потомъ лошадьми. Во всякомъ случаѣ это былъ типичный представитель „добраго стараго времени“...

Теперь его замѣстителемъ явился „мужичекъ“.

У „мужичка“ дѣло идетъ, кажется, доходнѣе, налажено крѣпче.

Выѣзжалъ я изъ Солигалича, и вмѣстѣ съ верстовыми столбами по сторонамъ дороги начинали мелькать „дворянскія гнѣзда“...

Ко всѣмъ имъ ведутъ березовыя аллеи-дороги и въ иныхъ мѣстахъ только онѣ одиѣ и уцѣлѣли отъ всего гнѣзда, отъ всѣхъ барскихъ затѣй...

Вотъ Долгое Поле...

Солигаличскіе старожилы, если онѣ еще не перевелись, должны помнить типичную мощную фигуру „долгопольскаго барина“—М. П. К-нова... Въ грудѣ старыхъ пожелтѣвшихъ отъ времени фотографическихъ карточекъ, доставшихся мнѣ отъ отца, есть и его... Тучный старикъ, въ военнаго покроя пальто и флотской фуражкѣ, съ небольшими, коротко остриженными съдыми усами и баками, сидитъ на какой-то скамьѣ, грузно опершись на палку. Его глаза властно и прямо смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей...

— Деспотъ былъ...—вспоминаютъ о немъ.—Тиранъ... Дѣла о немъ въ Сенатѣ не переводились...

Спасало его отъ кары закона то обстоятельство, что женатъ онъ былъ на пожилой уже воспитанницѣ одного сенатора. Благодаря послѣднему всѣ дѣла о Мартьянѣ Прокофьевичѣ клались подъ сукно...

Въ то время всѣ дѣла подобнаго рода носили характерное названіе дѣлъ „о злоупотребленіи помѣщичьей властью“... Такъ звучало гораздо мягче... Слова „истязанія“, „мученія“ слишкомъ бьютъ по первамъ.

Мартьянъ Прокофьевичъ хотя и служилъ когда—то во флотѣ, но больше всего любилъ лошадей, особенно молодыхъ и горячихъ... Лошади у него водились, дѣйствительно, хорошія: были и арабской, и персидской, и англійской крови...

Запрягутъ четверку такихъ „дьяволовъ“ въ коляску, выйдетъ баринъ на крылечко, поставитъ носокъ одной ноги на подножку—и замретъ въ выжидательной позѣ... Боже сохрани, если какая-нибудь лошадь дернетъ, шевельнется и покачнетъ грузное барское тѣло.

— Пятьдесятъ палокъ...—скажетъ Мартьянъ Прокофьевичъ ровнымъ, немного гнусавымъ голосомъ и уйдетъ въ „покой“ Кучеръ слѣзаетъ съ козелъ, отирается на конюшню, получаетъ пятьдесятъ палокъ, одѣвался, садился снова на козлы и везъ барина, „куда прикажутъ“...

Да жестокіе были нравы!...

Понятно, что приглашеніе отъ мирового посредника пожаловать для введенія въ Долгомъ Полѣ уставной грамоты Мартьянъ Прокофьевичъ почелъ за личное себѣ оскорбленіе, и не только не „пожаловалъ“, но и пересталъ кланяться съ посредникомъ... А ранѣе были друзьями.

Однако, видя, что гнѣвъ дѣлу не помогаетъ, Мартьянъ Прокофьевичъ положилъ его на милость. Да и то, пожалуй, болѣе потому,

что понравилась ему у посредника одна лошадка. Продай, да продай... Что хочешь, то и дамъ. Заставилъ таки человекъ отдать лошадь. Упрямъ и правень былъ ужасно... Впрочемъ, вышло это ему на свою голову... После освобожденія крестьянъ не захотѣлъ онъ болѣе оставаться въ Долгомъ Полѣ и переѣхалъ въ Кострому... Къ тому же времени и другія бѣды подошли. Въ новыхъ судахъ дѣла и дѣла для него не такъ уже гладко... Волокита кончалась... Предъявленны были кое-какія взысканія. Приходилось спасаться изъ стараго гнѣзда и увозить, что поцѣнише... На выѣздѣ изъ Солигалича захотѣлъ онъ проститься съ мировымъ посредникомъ... Остановилъ дормезъ, простился, сѣлъ снова: „Трогай!“ А лошади ни съ мѣста, колеса по ступицу вѣзались въ землю... Что такое? Оказалось, что дормезъ биткомъ набитъ тяжелой старинной металлической посудой, которую Мартьянъ Прокофьевичъ увозилъ съ собою. Насилу съ мѣста сдвинули. На Гнѣздицкой горѣ (подъ Солигаличемъ) экипажъ снова засѣлъ... Пришлось сзывать крестьянъ изъ трехъ окрестныхъ деревень... Въ Костромѣ Мартьянъ Прокофьевичъ не долго пожить... Лошадь, купленная имъ у посредника, на которой онъ въ свои дни слишкомъ 70 лѣтъ катался верхомъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ, сбросила его съ себя, да такъ несчастливо, что тутъ онъ и Богу души отдалъ.

Надъ гробомъ, его безъ большихъ измѣненій, можно было произнести „Похвальное слово моему дѣдушкѣ“, написанное когда-то П. А. Крыловымъ...

— Попочка еще пожить бы., говорила о Мартьянѣ Прокофьевичѣ его супруга... И дѣйствительно, это былъ человекъ громадной силы и желѣзнаго здоровья. Въ 70 лѣтъ онъ ѣздилъ верхомъ и танцевалъ, какъ юноша. Въ 40—градусный морозъ онъ обходилъ свое хозяйство въ туфляхъ на босу ногу и въ халатѣ...

Послѣ Мартьяна Прокофьевича Долгое Поле переходило изъ рукъ въ руки, ни у кого долго не задерживаясь. Потомъ его купилъ какой-то вологодскій „мужичекъ“, который въ немъ однако не жилъ. Глухнула садъ, становясь еще тѣнистѣе, тишина царила въ большихъ каменныхъ конюшняхъ, нѣкогда оглашавшихся ржаніемъ породистыхъ коней и воплями истязуемыхъ рабовъ; разваливались службы; долго въ запустѣнн молчаливо стоялъ большой домъ съ огромнымъ двухсвѣтнымъ заломъ, съ хорами, гдѣ когда-то шировали, танцовали. Ни образа, ни стула, ничего, чѣмъ былъ когда-то полонъ домъ, въ немъ не было... Все расхитили, все вывезли, все увезли. Не повадибился ни кому лишь большой, писанный масляными красками, портретъ бывшаго его хозяина... Онъ одиноко висѣлъ на стѣнѣ одной изъ комнатъ, противъ балконной двери, выходившей въ

садъ, и его безжизненные глаза долго созерцали мерзость запустѣнія.

На этомъ портретѣ Мартьянъ Прокофьевичъ былъ изображенъ молодымъ еще человекомъ, въ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ. На столѣ часы, чернильница, груда запечатанных конвертовъ и горящая свѣча. Мартьянъ Прокофьевичъ запечатываетъ еще одинъ пакетъ, и что-то изъ-подъ его бѣлыхъ, пухлыхъ украшенныхъ перстнемъ пальцевъ каплетъ на конвертъ, не то сургучъ, не то кровь...

Лѣтъ 10 назадъ пустой старинный домъ сгорѣлъ. Въ пламени погибъ его портретъ... На мѣстѣ стараго дворянскаго гнѣзда — однѣ лишь головешки...

Въ чрезвычайно живописной мѣстности простились на рѣбковой горѣ другое гнѣздо — **Боловино**. Напротивъ его, на возвышеніи же, бѣлѣтся стѣнами своего храма приходъ св. Димитрія (Грива). Ихъ разделяетъ широкая лощина съ чудесными, богатѣйшими покосами. Ландшафтъ оживляется лентой вьющейся рѣчкой... Съ горы у Боловина не налюбуешься видомъ. Хорошо должно быть тутъ жилось... Но давно уже стерты съ лица земли старыя одноэтажныя дома Надежды Ивановны Бартеновой... Шумятъ лишь уцѣлѣвшія отъ жизненныхъ бурь деревья стараго сада, да пустуетъ какимъ-то уродливымъ горбомъ небольшой холмикъ, на которомъ прежде высилась какая-нибудь затѣйливая бесѣдка съ надписью „Храмъ Діаны“ или „Mon Repos.“

Немного свѣдѣній сохранили даже сторожилы о владѣльцахъ этого уголка... Последнія хозяйки его, двѣ сестры Бартеновы были фрейлинами, и придворное званіе привязывало ихъ къ Петербургу... Пока онѣ тамъ разсуждали на своихъ вечерахъ о томъ, что „Генуя и Лука стали помѣстями фамиліи Бонапарте“, здѣсь орудовалъ по своему управляющій... Фрейлины дѣлали свое дѣло, онъ свое... Въ результатѣ дѣла сестеръ-фрейлинъ запутались разстроились; на Боловино было наложено запрещеніе, а потомъ и продано съ молотка... Только, должно быть, и полюбовались онѣ на прекрасные ландшафты, открывшіяся съ горы отъ Боловина, пока дѣтьми жили тутъ у матери...

Здѣсь подъ кровомъ гостепріимной Над. Ив. Бартеновой завязался когда-то узелъ полной превратностями жизни извѣстной основательницы и игуменіи Новодѣвичьяго монастыря (въ Петроградѣ) матери Θεофаніи... Въ міру Александра Сергѣевна Шулепникова, она 20 лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за встрѣченнаго здѣсь случайно въ 1808 году генерала-маіора С. С. Готовцева... Черезъ шесть недѣль послѣ свадьбы

бы, Готовцевъ былъ убитъ въ Финляндіи, въ сраженіи съ шведами. Рожденіе дочери Анны скрасило грустную жизнь молодой вдовы, но не надолго... Четырехлѣтняя малютка внезапно умерла въ день своего рожденія, праздновавшагося большимъ съѣздомъ гостей въ с. Мишковѣ... Глухая молва говорила, что дѣвочка была отравлена родственниками своего отца изъ корыстныхъ цѣлей... Александра Сергѣевна надъ трупомъ дочери дала торжественный обѣтъ уйти въ монастырь-и сдержала свое слово. На кладбище села Лосева,—также бывшаго „дворянскаго гнѣздо“—въ 20-ти верстахъ отъ Солигалича, можетъ быть, и донынѣ высится небольшой столбикъ чернаго мрамора, на которомъ съ трудомъ можно разобрать стершуюся отъ времени надпись, напоминающую о разыгравшейся когда-то страшной семейной драмѣ. Умерли люди—утихла страсти, время стерло все то, къ чему они такъ жадно стремились... Колесо жизни совершило надъ ними свой оборотъ...

* * *

Вотъ село **Николо-Березовецъ** съ своимъ стариннымъ деревяннымъ храмомъ. Кругомъ его ютилась прежде много дворянскихъ гнѣздъ... Возлѣ самаго села лежала усадьба **Сидорова**... Однимъ изъ боголюбивыхъ владѣльцевъ ея, Вас. Ив. Кадниковымъ, и выстроены въ селѣ этотъ деревянный храмъ... Подъ церковью и теперь еще цѣла его могила... Въ храмѣ есть нѣсколько предметовъ, способныхъ заинтересовать любителя старины. Показываютъ прежде всего какую—то громадную кость... Народъ говоритъ, что въ старину тутъ жилъ одинъ богатырь, и кость—часть его ноги... При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это кость мамонта. Кости этихъ допотопныхъ животныхъ вообще довольно часто находятъ въ почвѣ береговъ здѣшнихъ рѣкъ и рѣченоекъ... Но народъ вѣрилъ въ „богатыря“ и кости его приписывалъ чудодѣйственную силу... Страдавшіе зубною болью грызли ее и, говорятъ, исцѣлялись... Дѣйствительно, добрая часть кости уже сгрызена... Отъ Сидорова теперь не осталась и слѣда, и потомокъ Вас. Ив. Кадникова живетъ уже въ другомъ мѣстѣ.

По другую сторону Николо-Березовца лежала нѣкогда богатая усадьба **Петранинское** по общему произношенію, по документамъ же, вѣроятно—**Петро-Анинское**...

Лѣтъ двадцать пять назадъ еще стоялъ тутъ большой барскій домъ, и я бродилъ въ его руинахъ... Надъ частью дома уже не было крыши, стѣны внутри рухнули... Въмѣсто пола,—груды мусора, кирпича, досокъ и обвалившейся штукатурки... Словно Мамай прошелъ здѣсь... На одной стѣнѣ изъ подъ ободранныхъ обоевъ видѣлся ла-

тинскій шрифтъ... Оказалось, что подклейкой для обоевъ послужила не то какая—то на латинскомъ языкѣ написанная грамота, не то листы стариннаго латинскаго фоліанта. Выбитое въ балконной двери стекло было заткнуто кускомъ холстины, сохранившей слѣды красокъ... Очевидно это была картина. Черезъ нѣсколько лѣтъ я не нашелъ уже и этихъ развалинъ; и ихъ истребилъ огонь. На мѣстѣ ихъ высился чистенькій крестьянскій дворъ, и нѣсколько молодухъ сгребали въ копны сѣно, работая „на себя“... Только старыя березы и липы да два пруда свидѣтельствовали о томъ, что тутъ когда—то было „дворянское гнѣздо“. Мнѣ рассказывали, что въ саду здѣсь былъ погребъ, на двери котораго былъ нарисованъ какой—то бородачій мужикъ... Это „баринъ“ приказалъ изобразить своего садовника въ воздаяніе какихъ то особыхъ заслугъ послѣдняго... И садовникъ долѣе сохранился въ памяти окрестнаго населенія, чѣмъ угѣловчичинъ его „баринъ“.

* * *

Село Воздвиженское... Помѣстье господъ Жадовскихъ... Слышалъ кое-что о нихъ... Но гдѣ же чудесный бѣлый каменный домъ съ колоннами, архитектуры александровскаго времени?! Такъ барственно вырисовывался онъ на зеленомъ фонѣ стараго сада... Разобранъ... Только груды кирпича указываютъ то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ...

Ямщикъ остановился напоить изъ пруда лошадей... Я вышелъ изъ экипажа посмотрѣть живопись иконъ, утвержденныхъ на стѣнѣ башенки въ углу церковной ограды. Въ срединѣ икона Воздвиженіе Креста Господня... Блеклыя краски, но живопись вообще не дурна и хорошо сохранилась... Лица выписаны тщательно, имъ сообщено молитвенно восторженное выраженіе...

Подъ колокольнею—фамильный склепъ Жадовскихъ... Онъ былъ открытъ... Но попасть во внутрь было не легко... Перебравшись чрезъ груды мусора, я подошелъ къ двумъ гробницамъ... На передней лежала плита съ слѣдующею надписью:

„Поконился здѣсь прахъ и друга, и отца.
Признательность къ нему сей камень положила,
Но въ памяти моей до моего конца
Его не схоронить могила“...

А подъ „Адамовой головой“ на костяхъ высѣчено: „Маіоръ Евстафій Семеновичъ Жадовскій. Род. въ 1750 году, скончался 2-го августа 1823 года“.

Я слышалъ объ этомъ „маіорѣ“ два анекдота, рассказанные когда—то имъ самимъ и перешедшіе въ потомство, въ „легенду“.

Маіоръ былъ большой любитель „трубки“ и не выпускалъ ее изъ рта... Однажды по какому-то случаю долженъ онъ представляться „матушкѣ-Екатеринѣ“ П-й. Явился во дворецъ, приказалъ о себѣ доложить и ждетъ выхода государыни... Ждетъ полчаса, часъ... Государыня не выходитъ, а у маіора отъ долгаго воздержанія отъ трубки, подъ ложечкой уже сосетъ. Наконецъ, не вытерпѣвъ онъ, сѣлъ и закурилъ... А тутъ то Великая и вышла... Увидала его, да и говоритъ: Ничего... ничего, кури себѣ, Евстафій Семеновичъ... Покурила бы съ тобою и я, да голова что-то болитъ“...

— Вотъ какая она была добрая Матушка-то наша-добавлялъ старикъ...

А то съ нимъ былъ еще такой однажды случай:

Бхалъ онъ зимой на тройкѣ въ саняхъ черезъ рѣку... Дѣло было ночью... Кучеръ не доглядѣлъ и налетѣлъ на прорубь. Маіоръ едва успѣлъ выскочить изъ саней, а лошади, кучеръ и сани все скрылось подо льдомъ... Пожалѣлъ Евстафій Семеновичъ и раба своего, и скота своего, и добра своего и сталъ перебираться по льду на другой берегъ. Перебрался, а тамъ, глядь, уже Селифанъ его съ тройкой дожидается...

— Какими судьбами?

— Подо льдомъ переплыли... Да еще рыбы съ собой захватили...

— Глянулъ я въ сани, рассказывалъ маіоръ, а онѣ дѣйствительно полнехоньки рыбой...

Вотъ что въ старицу-то бывало!..

Вторая могила неизвѣстно кому принадлежитъ... Нпчья „признательность“ не соорудила ему камня... И въ то время какъ наверху, во храмѣ, на ектеніяхъ діаконовъ возглашаетъ прошенія „о строителяхъ святаго храма сего, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ“, —внизу, въ склепѣ, гуляютъ коровы и оставляютъ послѣ себя мерзость заустѣнія... Грустно!..

* * *

Отъ с. Воздвиженскаго до села Новографскаго дорога чрезвычайно живописна. Не смотря на гористую мѣстность, глазъ видать далеко. Горизонтъ широкъ... Селенія часты, и подъ лучами заходящаго солнца блестятъ главы сразу пяти сельскихъ храмовъ,—единственнаго украшенія нашихъ деревень. Ихъ бѣленькія кирпичныя оградки красиво сбѣгаютъ внизъ по скатамъ зеленыхъ холмовъ, открывая глазу кучки бѣлыхъ и сѣрыхъ деревянныхъ крестовъ, подъ которыми успокоились пахари...

Новографское—бывшая экономія новаго графа (впослѣдствіи князя) Платона Зубова, извѣстнаго фаворита Екатерины П. „Князь Пла-

тонъ добрый человѣкъ, тихъ, благочестивъ, безстрастенъ, какъ будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи, знаетъ намеку, загадку и украшается угоднымъ.., хотя царя въ головѣ не имѣетъ“...—такова характеристика этого временщика, сдѣланная Суворовымъ.

Тутъ о немъ ничто не напоминаетъ. Даже въ мѣстной церкви нѣтъ слѣдовъ его владѣнія здѣсь землями и человѣческими душами... Очевидно, отсюда, изъ экономіи, только бралось, но сюда ничего не вкладывалось...

Скупость, скарденность была въ характерѣ этого баловня Фортуны. Удаленный отъ двора, онъ поселился въ одномъ изъ сѣверо-западныхъ своихъ имѣній и остатки дней своихъ провелъ по-плюшкински. Сутяжничалъ съ окрестными крестьянами, оттягивая отъ нихъ лѣса, пашни, луга и сады, и приумножалъ свои милліоны, штрафуя крестьянъ за скотъ, забредшій въ его владѣнія...

* * *

Послѣдній разъ предъ Костромой кормимъ лошадей... Пока онѣ перемалываютъ своими челюстями, какъ жерновами, овесъ, пьемъ чай въ бесѣдкѣ въ полисадникѣ... Молодые деревца совсѣмъ скрыли тутъ старый столбъ съ доскою, на которой съ трудомъ читается характерная надпись:

„Усадьба Ямы, прошу любить и жаловать, будемъ вѣкъ друзьями“...

Тутъ очевидно жилъ когда-то родственникъ гоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха... Вотъ и небольшой прудикъ, въ которомъ онъ, быть можетъ, „въ костюмѣ Адама“, самъ ловилъ карасей, бросая неводъ лишь для того, чтобы, приложивъ руку ко лбу въ защиту отъ солнца, взглянуть на какого нибудь проѣзжающаго мимо Чичикова и крикнуть ему:

— Вотъ усадьба Ямы!.. Добро пожаловать!.. будемъ вѣкъ друзьями!..

Очевидно, гостепріимство было радостью жизни здѣшняго помѣщика. Увы, неблагодарные потомки не сохранили намъ даже его имени... Теперь на мѣстѣ гостепріимной усадьбы—трактиръ, и я тщетно допытывался отъ здоровенной рябой босоногой дѣвки съ подоткнутымъ подоломъ, подававшей мнѣ самоваръ,—чья это была усадьба... Она твердила лишь одно:—„Тутъ заведеніе... Заведеніе“...

IV.

Такимъ остался въ памяти путь отъ Солигалича до Костромы,—мимо старыхъ гнѣздъ...

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. Н. Крупской

Флеромъ романтизма окутаны воспоминанія о немъ.
— И охота же быть романтиками въ нынѣшнее время!—говорилъ
иногда Базаровъ молодому Кирсанову.

Мы не будемъ ими въ отношеніи къ изжитому социальному по-
рядку... Онъ умеръ въ язвахъ... Но позвольте быть романтикомъ въ
отношеніи „старыхъ вещей“, старыхъ домовъ „дворянскихъ гнѣздъ“,
ихъ садовъ, ихъ бесѣдокъ, „львовъ на воротахъ“...

Папство XVI-го и XV-го столѣтій было развратно, вся Италія
того времени была ареной всевозможныхъ преступленій, но вещи, соз-
данныя тогда по заказамъ папъ и герцоговъ руками Рафаэля, Ми-
кель-Анджело, да-Винчи и другихъ художниковъ эпохи Италіанскаго
Возрожденія не потеряли отъ этого въ своей художественной цѣнно-
сти. Онѣ смягчали тогда ея ужасы; онѣ озаряютъ ее и теперь сво-
имъ неумирающимъ свѣтомъ. Безъ нихъ все въ ней было бы без-
просвѣтно темно, и самъ Бенвенуто Челлини былъ бы только „убій-
цей“.

Онѣ, эти „старыя вещи“—оправданіе быта, людей...

„Прошлое всегда кажется прекраснѣе дѣйствительности. Пре-
краснѣе и грустнѣе... Когда перестроили старый домъ, то только
тогда поняли его прелесть“... *)

Когда разорили, сожгли „дворянскія гнѣзда“, вспомнили, что
въ нихъ висѣли „Рафаэли“, „Рембрандты“, „Ванъ-Дики“, были севр-
скій фарфоръ, подлинныя письма Пушкина и любимое дѣдовское
кресло, посидѣть въ которомъ теперь было бы такъ тепло и уютно.

Вл. Апушкинъ.

*) „Отблескъ былого“, посмертная статья бар. Н. Н. Врангеля. „Русскій Библио-
филь“, 1916 г. кн. У, стр. 10.

